

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ДЕДУКЦИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАНТА

Аннотация. В данной статье исследуется важный метод критической философии Иммануила Канта – трансцендентальная дедукция. Внимание сосредоточено на том, каким образом данный метод применяется в основных работах Канта по практической философии: в «Основоположениях метафизики нравов» и в «Критике практического разума». Цель статьи заключается в том, чтобы выяснить, представлена ли в практической философии Канта трансцендентальная дедукция основоположений практического разума, подобная трансцендентальной дедукции категорий чистого рассудка в «Критике чистого разума». Для решения проблемы приводится краткое изложение дедукции категорий рассудка, а затем логика рассуждений в основных сочинениях Канта по практической философии реконструируется, исходя из предпосылки, что структура дедукции в практической философии Канта должна быть аналогична уже известной структуре дедукции в спекулятивной. Показано, что в практической философии Канта действительно успешно проделана дедукция основоположений. Сделан вывод, что, вопреки распространенному в современном кантоведении представлению, в «Основоположениях» и во второй «Критике» представлен один и тот же проект дедукции. Прделана реконструкция метафизической и трансцендентальной дедукции в практической философии Канта. Устранена видимость логического круга, связанная с утверждением Канта о том, что свобода и безусловный практический закон взаимно обуславливают друг друга. Сделан вывод, что логика дедукции в практической философии, подталкивает к существенному расширению понятия «опыта» в философии Канта.

Ключевые слова: практическая философия, свобода, трансцендентальная дедукция, метафизическая дедукция, практический разум, моральный закон, категорический императив, опыт, воля, свобода воли.

Введение

В «Критике чистого разума» Кант пишет, что дедукция – это доказательство правомочности использовать то или иное понятие. Когда я сформулировал некое понятие, я должен ответить на вопрос: имею ли я право его использовать и если да, то в каких пределах?

В первой критике «дедукция» делилась на «метафизическую» и «трансцендентальную». В разделе, заявленном как «метафизическая дедукция», Кант анализировал наши суждения об опыте, и показывал, какие за ними стоят предпосылки. Этими предпосылками были «категории чистого рассудка», априорные понятия, благодаря которым наши суждения об опыте становятся возможны.

Но метафизическая дедукция всего лишь находит предпосылки того, как мы судим об опыте и познаем его *де факто*. Она еще не доказывает, что мы делаем это единственно верным и необходимым образом. Здесь в дело вступает трансцендентальная

дедукция, которая доказывает, что не только наши эксплицитные суждения, но вообще любой возможный опыт с необходимостью подчинен *всем* открытым Кантом категориям рассудка и *только* им. Вслед за категориями получают обоснование и выводимые из них основоположения чистого рассудка. В этой статье под «дедукцией» я по умолчанию буду понимать трансцендентальную дедукцию.

Задача этой статьи: выяснить, возможна ли вообще дедукция в кантовской практической философии, понять, каким образом представляет себе такую дедукцию сам Кант и реконструировать общую логику дедукции в его сочинениях по практической философии.

Специфика проблемы в практической философии

В первой «Критике» Кант приходит к необходимости дедукции в ходе ответа на свой знаменитый вопрос: «Как возможны синтетические суждения

априори?» (например, положения математики или математической физики). Из этого вопроса вытекает вопрос об условиях возможности априорных законов рассудка как наиболее фундаментальных априорных синтетических высказываний. Если предполагать, что структура рассуждения в обеих «Критиках» аналогична, то в практической философии на пути к дедукции такой вопрос (а именно, о возможности синтетических априорных положений практического разума) тоже должен быть поставлен и каким-то образом решен. Но в первой «Критике» решение состояло в том, что понятия рассудка могут образовывать суждения благодаря тому, что применяются к априорным созерцаниям. Однако, в случае практической философии это могли бы быть только «интеллектуальные созерцания», которых, как не устают повторять Кант, у нас нет. Каков же выход?

Кант решает эту проблему, говоря, что практический разум не должен подходить к своему предмету тем же способом, каким спекулятивный подходит к своему, поскольку задачи спекулятивной и практической философии различны. Задача, «относящаяся к критике чистого спекулятивного разума» заключается, вкратце, в том, чтобы выяснить, «как ... чистый разум может априори *познавать* объекты». Задача, «относящаяся к критике практического разума» в том, чтобы понять, «как ... [разум] может быть определяющим основанием воли, т.е. причинности разумных существ в отношении действительности объектов»¹. Таким образом, практическую философию не интересуют условия возможности самих объектов. Ее интересует, как возможно, что некие понятия (независимо от того, существуют ли соответствующие им предметы и возможны ли они) становятся мотивами. По выражению Канта, «здесь ... дело касается не познания свойств предметов, которые посредством чего-то и где-то могут быть даны разуму, а познания, поскольку оно может стать основанием самого существования предметов»². Т.е. в практической философии речь вообще не идет о том, чтобы познать, как нечто существует или может существовать.

Это очень важное замечание, без которого никакое критическое обоснование практической философии могло оказаться невозможным. Ведь

¹ Кант И. Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова // Кант И. Соч. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 427.

² Там же. С. 429.

в первой «Критике» Кант установил границы для познавательной способности чистого разума, запретив ей выходить за пределы возможного опыта. Но именно там, за этими пределами, и располагается предмет практической философии. Как же вообще возможна практическая философия? Именно потому, что она не исследует, каким образом нечто действительно происходит или может происходить (например, каким образом воля разумного существа воздействует на его чувственно воспринимаемые поступки). Практическая философия изучает, как нечто *должно* происходить, пусть даже мы неспособны познать, как возможно, чтобы оно происходило таким образом. (Именно поэтому, как замечает Кант, практической философии вовсе не требуется расширять понятие причинности за пределы возможного опыта³).

В первой «Критике» априорные синтетические суждения были возможны благодаря тому, что у нас есть с одной стороны рассудок, а с другой – созерцания. Только созерцания дают понятиям рассудка предмет. Но практическая философия познает не предмет нашей воли, а лишь определяющие ее понятия. Поэтому практический разум не нуждается в созерцаниях, и отсутствие у нас интеллектуального созерцания не является помехой⁴.

Но это не решает всех проблем, а лишь показывает, что дедукция во второй критике не может попросту идти тем же путем, что дедукция в первой. Ведь категорический императив – это синтетическое положение априори (понятие автономии связывается в нём с долженствованием, или практической необходимостью). Но синтетические суждения нельзя получить из одних понятий; чтобы их получить, всегда нужно нечто внепонятийное, что гарантировало бы правильность синтеза. В первой «Критике» этим внепонятийным были трансцендентальные формы чувственности. Что это будет в практической философии?

³ Там же. С. 432.

⁴ «Достаточна ли причинность воли для действительности объекта или нет - решить это предоставляется теоретическим принципам разума» и не составляет проблемы практической философии. В результате «возможность ... сверхчувственной природы, понятие которой может через нашу свободную волю быть также основанием действительности этой природы, не нуждается ни в каком априорном созерцании» (выделено мной – Д.А.) (Там же. С. 428).

Проблема дедукции в «Основоположениях метафизики нравов» и в «Критике практического разума»

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала имеет смысл обсудить распространенное среди исследователей мнение, что в «Основоположениях метафизики нравов» и «Критике практического разума» представлено два разных и даже противоположных проекта дедукции.⁵ Считается, что в первой работе Кант обосновывает моральный закон с помощью свободы, которая сама по себе есть идея разума и не подлежит обоснованию; во второй же он, наоборот, обосновывает свободу с помощью морального закона, который преподносит как «фактум разума».

Что именно пишет Кант? В «Основоположениях» он прямо ставит и решает вопрос «Как возможен категорический императив?»⁶. Далее, он пишет, что практический разум не способен постичь, «как возможна свобода» и, соответственно, «как возможно, чтобы чистый разум был практическим»⁷. Свобода вообще «не имеет объективной реальности», она есть лишь идея. Объясняя, как же, собственно, возможен категорический императив, Кант пишет, что это «априорное синтетическое положение» возникает, когда «к моей воле, на которую воздействуют чувственные влечения, присоединяется идея ... чистой ... практической воли, которая содержит высшее условие первой воли согласно с разумом». Проводя для ясности аналогию с рассуждениями в первой «Критике», Кант уподобляет эту вторую (чистую, автономную) волю категориям рассудка, которые сами по себе не означают «ничего, кроме формы закона, и благодаря этому делают возможными априорные синтетические положения, на которых основывается наше познание природы»⁸.

В «Критике практического разума» Кант пишет, что «объективная реальность морального закона не может быть доказана никакой дедукцией ... и всё же она сама по себе несомненна». Наоборот, сам моральный закон «служит принципом дедукции недоступной исследованию способности ...

свободы»⁹. Противоречит ли такое, казалось бы, некритическое признание «объективной реальности» морального закона рассуждениям в «Основоположениях», где ставится и решается вопрос о том, как возможен категорический императив¹⁰?

Чтобы прояснить этот вопрос, еще раз напомним ход рассуждений в первой «Критике». Сначала ставится вопрос о том, может ли опыт быть источником объективного (общезначимого) знания, т.е. фактически – возможны ли эмпирические науки). Но для Канта, у которого перед глазами скептицизм Юма, очевидно, что этот вопрос сводится к вопросу об условиях возможности синтетических суждений априори. Опыт может давать объективное знание, только если в конечном счете основывается на таких суждениях. Поэтому, чтобы понять, возможно ли эмпирическое познание, надо ответить на вопрос: «Как возможны синтетические суждения априори?» Важно подчеркнуть: Кант не спрашивает, *возможны ли* такие суждения. То, что суждения математики имеют объективную значимость, он считает очевидным. Вместо этого он спрашивает, *как* они возможны. В поиске ответа на этот вопрос Кант открывает категории рассудка, а потом уже проделывает *их* дедукцию.

Т.е. вопрос об условиях возможности и проблема дедукции (если ее понимать ее узко – как трансцендентальную дедукцию) – две разные вещи. То, условия возможности чего исследуются, не требует трансцендентальной дедукции¹¹. Дедукции подвергаются именно условия возможности (чтобы показать, что они необходимы и относятся к строго определенному предмету и только к нему). И наоборот, когда речь идет о трансцендентальных условиях, например, о категориях рассудка, условия возможности самих этих условий уже не исследуются.

⁹ Там же. С. 430.

¹⁰ Учитывая, что в § 5, гл. 1, кн. 1 «Критики практического разума» Кант прямо формулирует «основной закон чистого практического разума» в виде императива (там же. С. 409), различия между «моральным законом» и «категорическим императивом» в данном рассуждении можно пренебречь.

¹¹ Разумеется, проделав трансцендентальную дедукцию категорий, мы тем самым доказываем достоверность синтетических суждений априори и, соответственно, опыта. Поэтому если понимать дедукцию в широком смысле, как ответ на вопрос о правомочности тех или иных рассуждений, опыт и все синтетические суждения тоже являются предметом дедукции. Но дедукции в узком смысле – трансцендентальной дедукции – подвергаются только условия их возможности.

⁵ См. например: Beck, 1960; Förster, 1989; Allison, 1990.

⁶ Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Соч. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 234.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ Там же. С. 235.

Так, в «Критике чистого разума» Кант пишет по поводу свободы: «Не так уж необходимо дать ответ на вопрос, как возможна такая способность, ибо, когда речь идет о причинности по законам природы, нам также приходится довольствоваться лишь априорным знанием того, что ее следует предположить, хотя мы вовсе не понимаем, каким образом одно существование полагает другое существование, и вынуждены поэтому придерживаться только опыта»¹². Т.е. мы не можем знать, как возможна причинность (категория рассудка), как и не можем знать, как возможна свобода. Однако мы можем проделать дедукцию того и другого: показать, что причинность – необходимое условие всякого возможного опыта, а свобода – необходимое условие... чего именно? На этот вопрос нам предстоит ответить ниже.

Итак, между кантовским поиском условий возможности категорического императива в «Основоположениях» и его заявлением во второй «Критике», что моральный закон не подлежит дедукции, нет противоречия. Наоборот, из вышеприведенной реконструкции следует, что когда Кант спрашивает в «Основоположениях», как возможен категорический императив, он тем самым уже подразумевает, что не может быть никакой дедукции категорического императива или морального закона. Дедукции может быть подвергнуто то, что является условием его возможности, и можно предварительно предположить, что именно эту роль Кант отводит понятию свободы. И действительно, уже в «Основоположениях» Кант прямо ставит задачу «сделать понятной дедукцию понятия свободы из чистого практического разума, а вместе с ней также и возможность категорического императива» (курсив мой – Д.А.)¹³. Это согласуется с утверждением Канта в «Критике», что дедукция морального закона невозможна, но зато с помощью него можно проделать дедукцию свободы.

Далее, и в «Критике» Кант сохраняет верность сделанному в «Основоположениях» утверждению, что мы не можем знать, как возможно, чтобы чистый разум был практическим (иными словами, как возможна автономная воля). Правда, может сложиться противоположное впечатление, поскольку он ставит задачу выяснить, «как ... [разум] может быть определяющим основанием воли». Но на самом деле, речь идет о том, «каким образом

разум может определять максимы воли: происходит ли это только посредством эмпирических представлений как определяющих оснований, или же чистый разум может быть также практическим разумом и законом возможного, вовсе не эмпирически познаваемого естественного порядка»¹⁴. Т.е. Кант фактически спрашивает, может ли чистый разум определять волю (т.е. быть практическим), или же любой акт воли всегда, в конечном счете, имеет эмпирическое основание. Кант не спрашивает, как чистый разум может определять волю¹⁵.

Наконец, есть одно, казалось бы, бесспорное различие между рассуждениями в «Основоположениях» и в «Критике»: оно состоит в том, что в «Критике» появляется концепция «фактума разума». Фактумом разума Кант называет сознание морального закона: «Сознание такого основного закона можно назвать фактумом разума, так как его нельзя измыслить из предшествующих данных разума, например из сознания свободы...; оно само по себе навязывается нам как априорное синтетическое положение, которое не основывается ни на каком – ни на чистом, ни на эмпирическом – созерцании»¹⁶.

Что именно имеется в виду под осознанием морального закона? Полагает ли Кант, что мы познаем его объективную значимость сразу и непосредственно? Если бы это было так, философию Канта можно было бы считать моральным интуитивизмом и, тем самым, разновидностью догматической философии в широком смысле. Скорее, Кант имеет в виду, что мы сознаем моральный долг непосредственно, до всяких умозаключений, но при этом еще не знаем, правильно ли наше представление о нём. Во-первых, это гораздо правдоподобнее (мы, скорее всего, согласимся с тем, что

¹⁴ Там же. С. 427-428.

¹⁵ Именно этим Кант объясняет, почему он назвал свою работу «Критикой практического разума», а не «Критикой чистого практического разума». Тогда как в «Критике чистого разума» Кант исходил из того, что чистый спекулятивный разум существует, и спрашивал, как он возможен, во второй «Критике» «должно доказать только то, что чистый практический разум существует» (Там же. С. 374). Вопрос о том, как возможен такой разум, иначе говоря, как чистый разум может быть практическим, нельзя решить средствами критической философии.

¹⁶ Там же. С. 410. Перевод изменен. В существующем переводе использовано выражение «факт разума». Кант использует заимствованное из латыни слово *Faktum*, видимо, стремясь подчеркнуть отличие от эмпирических фактов (*Tatsachen*).

¹² Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского // Кант И. Соч. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 3. С. 354. (В477).

¹³ Там же. С. 226.

имеем, по крайней мере, какое-то представление о долге). Во-вторых, это лучше соответствует духу критической философии: мы не достаём моральный закон из таинственных закров души, где сложены врожденные истины, а познаем его как своего рода факт, или «фактум». Но подобно тому, как ни один наблюдаемый эмпирический факт не несомненен, пока его не удастся воспроизвести экспериментально, «фактум разума» тоже подлжит сомнению и нуждается в обосновании.

Понятый таким образом, фактум разума весьма похож на те факты обыденного морального сознания, которые Кант анализирует в первых двух частях «Основоположений». Именно в процессе этого анализа он приходит к своим формулировкам категорического императива (понятие свободы вводится позже, в третьей, собственно, критической части работы). Но почему в «Основоположениях» Кант, всё-таки, именно *открывает* категорический императив, а в «Критике» преподносит его как непосредственную данность?

Думаю, это можно объяснить следующим образом. В строгом смысле фактом является только сознание неких отдельных моральных обязанностей. Также как эмпирические факты – это то, что непосредственно наблюдается в опыте. Категорический императив – это общий закон, который надо еще открыть. Тем не менее, с точки зрения трансцендентальной философии его тоже можно считать фактом в широком смысле («фактумом»). Ведь и критика чистого разума рассматривала такие априорные синтетические положения как «всякое изменение имеет причину» как своего рода «факты», в том смысле, что она не занималась их открытием, а, наоборот, исходила из того, что эти положения принимаются во всех эмпирических науках. «Основоположения метафизики нравов» носят пропедевтический характер, и в этой работе Кант подробно показывает, какой именно категорический императив стоит за нашими обыденными представлениями о морали. В «Критике практического разума» он может считать этот путь уже пройденным и принимает за «фактум» уже категорический императив (моральный закон) как таковой.

Вообще говоря, даже во второй работе, Кант не всегда называет фактумом уже сам по себе моральный закон. Так, в одном месте он пишет, что фактум лишь «позволяет познать» моральный закон¹⁷ и, надо полагать, понимает под ним что-

то очень близкое к тому обыденному сознанию обязанностей, которое он анализировал в «Основоположениях».

Из сказанного можно сделать два предварительных вывода:

Во-первых, структура трансцендентальной дедукции в «Основоположениях» и во второй «Критике», по крайней мере, в общих чертах идентична¹⁸.

Во-вторых, именно фактум разума представляет собой ту самую непонятную реальность, без которой не может быть никаких синтетических суждений. Фактум просто дан разуму, а не сформулирован им или выведен путем умозаключений.

Прежде чем, перейти к реконструкции дедукции в практической философии Канта, отметим важную задачу, которую такая реконструкция должна решить. Знаменитое утверждение Канта гласит, что «свобода и безусловный практический закон ссылаются друг на друга»¹⁹. Это непростое для интерпретации утверждение иногда воспринимается как признание логического круга в объяснении. В действительности, в другом месте Кант поясняет, что «свобода есть, конечно, *ratio essendi* морального закона, а моральный закон есть *ratio cognoscendi* свободы». Поэтому реконструкция кантовского обоснования основоположений практического разума только тогда будет в полной мере успешной, если одновременно позволит решить проблему «логического круга» и объяснить, что означает, что свобода – условие существования морального закона, а моральный закон – условие осознания свободы.

¹⁸ Разумеется, это не означает, что между этими сочинениями нет расхождений. В «Основоположениях» Кант пишет, что «если бы практический разум стал искать в интеллигибельном мире еще и объект воли, т.е. побудительную причину, то он переступил бы свои границы и притязал бы на знание того, о чём ему ничего не известно». В «Критике» же он посвящает целую главу предмету практического разума, а именно идее высшего блага. Впрочем, эта идея оказывается антиномичной даже для практического разума, поэтому и здесь расхождение между двумя сочинениями не следует преувеличивать. Кроме того, в «Основоположениях» Кант выдвигает несколько формулировок категорического императива, и сводимы ли они друг к другу – это, как минимум, дискуссионный вопрос. В «Критике» есть одна основная формула, отличная от всех, данных в «Основоположениях». Однако к теме данной статьи всё это прямого отношения не имеет.

¹⁹ Там же. С. 407.

¹⁷ Там же. С. 424-425.

Реконструкция трансцендентальной дедукции в практической философии

На этапе, когда мы только решили третью антиномию, свобода – всего лишь неопределенная возможность спонтанной причины. В этом смысле она пока остается для нас пустой мыслью: хотя мы признали возможность свободы, непонятно, где мы можем иметь с ней дело, что именно может быть или не быть свободным. Поэтому пока мы можем дать лишь негативное определение свободы, сказать, чем она не является.

Фактум разума – это осознание морального закона, а вернее, как мы видели, осознание неких отдельных обязательств. Но то, что мы осознаём какие-то обязательства, еще не говорит, что они не иллюзорны (так же, как наблюдаемые в природе закономерности сами по себе не доказывают, что наши суждения об их необходимости верны). Чтобы решить, иллюзорны они или нет, надо сначала задать вопрос об условиях их возможности. Оказывается, что условие их возможности – это свобода воли. Это соответствует стадии «метафизической дедукции» в первой «Критике».

Итак, у нас появляется конкретный объект, к которому следует отнести понятие свободы, – наша воля. Возникает понятие «свобода воли». Это понятие синтетическое (понятие способности желания связывается с понятием абсолютно спонтанной причины). Тем самым, утверждение «воля свободна» тоже синтетическое. Но мы не обязаны отвечать на вопрос, как это утверждение возможно. Ведь мы уже допустили возможность свободы, когда решали третью антиномию, и поэтому у нас нет основания не допускать возможность свободы любой вещи, если только она не рассматривается исключительно как явление в опыте. Затем, имея понятие свободы воли, а не просто некой неопределенной свободы, мы получаем возможность сформулировать положительное понятие свободы, что Кант и проделывает в начале третьего раздела «Основположений». (Именно это имеет в виду Кант, говоря, что «моральный закон есть *ratio cognoscendi* свободы»²⁰. Если бы не представление о моральном законе, мы не пришли бы к понятию свободы воли и не смогли бы составить *положительное* понятие свободы.)

Далее, анализируя с одной стороны положительное понятие свободы, а с другой – обыденные

представления о морали, мы приходим к выводу, что положительное понятие свободы содержит ту же самую автономию, которую высший практический закон предписывает. Тем самым доказывается, что свобода не может быть условием возможности никакого другого морального закона, кроме того, который мы вывели из фактов морального сознания. А значит долженствование, с которым мы связываем, например, правило «Не убий», не иллюзорно, а выражает объективный приоритет для разума его собственных законов перед законами природы²¹. Тем самым, те моральные представления, из которых мы исходили, не иллюзорны, а объективно значимы. (Именно это имеет в виду Кант, говоря, что «свобода есть, конечно, *ratio essendi* морального закона». Если бы свобода была невозможна, мы были бы вынуждены признать, что любое представление о правильном и неправильном, даже если его разделяют все люди, – всего лишь заблуждение.) Это соответствует стадии «трансцендентальной дедукции».

Другими словами, и положительное понятие свободы и моральный закон (как фактум разума) содержат одно и то же понятие автономии. Разница в том, что о свободе нам известно, что она возможна (что доказано в «Критике чистого разума»), однако она не содержит морального долженствования. Моральный закон же содержит долженствование, но мы не знаем, не иллюзия ли он. Соединение одного и другого придает моральному закону объективную практическую необходимость, т.е. фактически доказывает общезначимость категорического императива.

Чтобы эти рассуждения не казались казуистическими, изложу их, прибегнув к понятию «моральный опыт». Кант не использовал такого выражения, поскольку в духе рационалистической философии Нового времени понимал опыт узко – только как эмпирический опыт. Но если бы Кант жил в XX веке, он, вполне возможно, согласился бы, что некоторых вещах, о которых он пишет в своих сочинениях, можно говорить как о «моральном опыте», «религиозном опыте» и т.д. Так, «фактум разума», если интерпретировать его как осознание морального долга, есть в широком смысле «опыт»: переживание чего-то как должного, которое есть просто данность и логически ни из чего не следует. Когда мы проделываем трансценден-

²⁰ Кант И. Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова // Кант И. Соч. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 375.

²¹ Кантовское понимание того, что такое долженствование см.: Кант И. Основположения метафизики нравов // Там же. С. 239.

тальное исследование этого опыта, условием его возможности оказывается свобода воли. Возможность свободы уже была доказана в первой «Критике» (пусть мы и не понимаем, как она возникает, а только вынуждены ее допустить). Поэтому, если нам удастся доказать, что свобода – необходимое условие строго определенного морального закона (а не какого угодно), этот закон сразу приобретает объективную значимость. Но тем самым необходимой становится и сама свобода, а именно *практически необходимой*, ведь моральный поступок и свободный поступок это одно и то же, и этот поступок *должен быть* совершен. Именно в этом смысле следует понимать утверждение, что «моральный закон ... дает ... понятию [свободы] объективную реальность»²². Возможность свободы (свободной воли) позволяет доказать практическую необходимость морального закона, из которой, в свою очередь, следует практическая необходимость и самой свободы. Именно в этом смысле следует понимать слова Канта о том, что «при предположении, что она [свобода воли] существует, [чистые практические законы] необходимы или, наоборот, свобода необходима, потому что необходимы указанные законы как практические постулаты»²³.

Заключение

Как мы видим, вопреки тому, что утверждали многие критики, считавшие практическую философию

Канта возвратом к докритическому догматизму²⁴, проблема трансцендентальной дедукции принципов практического разума все-таки решается в «Основоположениях» и второй «Критике». Правда, для этого Канту приходится ввести представление о своего рода моральном опыте, пусть он и не использует такого выражения. Любые априорные принципы и положения значимы только в том случае, если имеют необходимое отношение к чему-то данному. Критика практического разума нуждается в наличии некоего «опыта» ничуть не меньше, чем критика чистого разума. Поэтому критическая философия Канта всегда начинается с констатации той или иной данности: это могут быть не только эмпирические наблюдения, но и сознание морального долга или эстетическое удовольствие. Такая данность не является чем-то, принимаемым догматически; наоборот, она – «опыт», апостериорное, а потому в ней по определению нет ничего аподиктически достоверного. В частности, Кант нигде не утверждает, что любой человек всегда осознает моральный закон (хотя и убежден, что любой человек *способен* его осознать). Наоборот, он вполне допускал, что были целые эпохи, когда человечество ничего не знало о морали²⁵. Это вовсе не значит, что морали не существовало вовсе, но это означает, что человечество не было способно на ее критическое исследование и – если обратиться к другому знаменитому рассуждению Канта – не было способно на выход из несовершеннолетия.

Список литературы:

1. Гранин Р.С. Экзистенциальная эсхатология Николая Бердяева // Философия и культура. 2012. № 11. С. 63-71.
2. Деклерк И.В. Метафизические концепции социально-коммуникативной общности // Философия и культура. 2011. № 6. С. 48-54.
3. Жолков С.Ю. Математические антиномии Канта – не антиномии // Философия и культура. 2013. № 10. С. 1368-1378. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.7064).
4. Зелинская А.Н. Свобода как экзистенциальная проблема // Психология и психотехника. 2011. № 10. С. 7-15.
5. Кант И. Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова // Кант И. Сочинения. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского // Кант И. Сочинения. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
7. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.
8. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8. 718 с.
9. Коваль О.А. Cogito Декарта и трансцендентальная субъективность Гуссерля // Философия и культура. 2012. № 12. С. 94-103.
10. Мехед Г.Н. Проблема теодицеи в этике И. Канта и Ф.М. Достоевского // Философия и культура. 2013. № 7. С. 967-973. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.7762).
11. Фишер Н. О будущем метафизики и вопроса о Боге согласно Иммануилу Канту (с экскурсами в критику метафизики Мартина Хайдеггера) (продолжение) (перевод И.В. Кирсберга) // Философия и культура. 2013. № 7. С. 951-966. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.7585).

²² Кант И. Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова // Кант И. Соч. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 430-431.

²³ Там же. С. 428.

²⁴ Самый известный пример – Герман Коген.

²⁵ См. например, работу «Предполагаемое начало человеческой истории» (Кант И. Соч. В 8-ми тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 79).

12. Allison H.E. Justification and Freedom in the Critique of Practical Reason // Kant's Transcendental Deductions / ed. E. Förster. Stanford University Press, 1989.
13. Allison H.E. Kant's theory of freedom. Cambridge University Press, 1990.
14. Beck L.W. A Commentary on Kants Critique of Practical Reason. Chicago, 1960.
15. Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin: Bruno Cassirer, 1904.
16. Förster E. Preface to Kant's Transcendental Deductions / ed. E. Förster. Stanford University Press, 1989.

References (transliteration):

1. Granin R.S. Ekzistentsial'naya eskhatologiya Nikolaya Berdyaeva // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 11. S. 63-71.
2. Deklerk I.V. Metafizicheskie kontseptsii sotsial'no-kommunikativnoi obshchnosti // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 6. S. 48-54.
3. Zholkov S.Yu. Matematicheskie antinomii Kanta – ne antinomii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 10. S. 1368-1378. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.10.7064).
4. Zelinskaya A.N. Svoboda kak ekzistentsial'naya problema // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 10. S. 7-15.
5. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma / Per. N.M. Sokolova // Kant I. Sochineniya. V 8-mi tt. M.: Choro, 1994. T. 4. 630 s.
6. Kant I. Kritika chistogo razuma / Per. N.O. Losskogo // Kant I. Sochineniya. V 8-mi tt. M.: Choro, 1994. T. 3. 741 s.
7. Kant I. Osnovopolozheniya metafiziki nravov // Kant I. Sochineniya. V 8-mi tt. M.: Choro, 1994. T. 4. 630 s.
8. Kant I. Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoi istorii // Kant I. Sochineniya. V 8-mi tt. M.: Choro, 1994. T. 8. 718 s.
9. Koval' O.A. Sogito Dekarta i transtsendental'naya sub'ektivnost' Gusserlya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 12. S. 94-103.
10. Mekhed G.N. Problema teoditsei v etike I. Kanta i F.M. Dostoevskogo // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 7. S. 967-973. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.7762).
11. Fisher N. O budushchem metafiziki i voprosa o Boge soglasno Immanuilu Kantu (s ekskursami v kritiku metafiziki Martina Khaideggera) (prodolzhenie) (perevod I.V. Kirsberga) // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 7. S. 951-966. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.7585).
12. Allison H.E. Justification and Freedom in the Critique of Practical Reason // Kant's Transcendental Deductions / ed. E. Förster. Stanford University Press, 1989.
13. Allison H.E. Kant's theory of freedom. Cambridge University Press, 1990.
14. Beck L.W. A Commentary on Kants Critique of Practical Reason. Chicago, 1960.
15. Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin: Bruno Cassirer, 1904.
16. Förster E. Preface to Kant's Transcendental Deductions / ed. E. Förster. Stanford University Press, 1989.